

Анкара оказалась верхней вольтижеркой на трапеции

К чему приведёт несвобода выбора у Эрдогана

Курдский вопрос в контексте сирийского урегулирования становится ключевым. Ещё вчера щекотливая тема маячила на втором плане. Сегодня она доминирует в повестке дня, успев рассорить формальных союзников по военно-политическому блоку НАТО - США и Турцию.

Невольно всплывает в памяти приложимая, точно пластырь, ко многим долгоиграющим геополитическим конфликтам сентенция двух соавторов, Маркса и Энгельса. *«Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывёт на поверхность вечный 'восточный вопрос'»,* который представлял для европейских держав *«никогда не иссякающий источник затруднений: как быть с Турцией?»*

Параллель прямая. Как только удалось частично истребить, а частично загнать в глубокое подполье джихадистов из «Исламского государства»* (*ИГ - запрещённое в России движение), и стоило легитимному режиму Башара Асада восстановить контроль над значительной частью своей территории, как всем без исключения акторам, вовлечённым в эту гражданскую войну и необъявленный региональный конфликт, пришлось изворотливо ломать себе голову: как быть с курдами? Останется ли «курдский вопрос» извечным, покажут ближайшие месяцы. Или - годы?

Курдская черепо-головомка

На начальном этапе гражданской войны в Сирии, спровоцированной Саудовской Аравией, Катаром и Объединёнными Арабскими Эмиратами, затем отягощённой стремительным расползанием в регионе боевиков ИГИЛ, переименованным в активистов «Исламского государства»*, проживавшие не одно поколение под династией Асадов курды приобрели вес благодаря своей внутренней этнической солидарности и способности к самоорганизации.

Боевые отряды курдов превратились во внушительную силу, сумевшую противостоять наёмным исламистам. И потому у президента Асада хватило дальновидности пообещать им широкую автономию в рамках сирийского государства. Репутация бесстрашных и мотивированных воинов укреплялась. С курдами стали считаться.

И вот в один удобный момент эта рассеянная по всему региону нация, не имевшая никогда собственного государственного очага, провозгласила на территории трёх сирийских кантонов - Африн, Кобани и Джазира... автономию Сирийского Курдистана, назвав его Рожава. Новообразование равноценно самопровозглашённому, самостоятельному, относительно независимому прото-государству.

Голос сирийских курдов зазвучал громче и призывнее, а многовекторная дипломатия Рожавы стала приносить дополнительные дивиденды. Открылось представительство в Москве. Вслух

произносили слова о солидарности и сотрудничестве. Правда, затем курдское руководство, видимо, посчитало более выгодным задружиться не столько с русскими, сколько с американцами. После чего случилась смена партнёра в танце.

В Вашингтоне, судя по всему, сочли, что имеет смысл сделать ставку на самодостаточного союзника, которому США, чисто формально, ничего не должны, и которого, в лучших традициях англосаксонского геополитического цинизма, можно будет сбросить как отыгранную карту в любой подходящий момент.

Этот момент наступил. Почти не скрывающий изоляционистских убеждений Дональд Трамп пожелал прекратить бессмысленные заморские экспедиции, переставшие приносить выгоду в условиях меняющегося расклада сил в мире. Сирия, по выражению Трампа, это «песок и смерть» ('sand and death'). Он пожелал вернуть мальчиков домой с войны, ведущейся за тридевять земель.

Более того, Трамп, будучи внешне эксцентричным простофилей, но на самом деле – хитроумным политиком (а иначе как объяснить, что за два года «глубинному государству» – “deep state” – так и не удалось его скovyрнуть?!), произнёс такую крамолу. *«Существование таких лидеров, как Каддафи, Саддам Хусейн и Асад, гораздо лучше, чем хаос и вакуум, которые царят после их свержения»*. Sic!

Не в этом ли причина раскручиваемой третий год подряд массивной и развязной кампании очернительства президента США? Впервые лидер последней оставшейся сверхдержавы не готов беззаветно обслуживать «партию войны», нуждающуюся не только в военных ассигнованиях (с этим у Трампа всё в порядке – бюджет Пентагона на 2019 года утверждён в объеме 716 миллиардов долларов, что на 20 миллиардов, или на 3% больше, чем в 2018 году), но и в реальном кровопролитии в заморских землях, требующем обязательного и регулярного пополнения вооружений и боеприпасов.

Решение Трампа вывести войска из Сирии поддержал один из наиболее грамотных специалистов по Ближнему Востоку, обозреватель лондонской «Индепендент» Патрик Кокбэрн. Признаки поражения ИГ*, которое ещё не столь давно держало под своей пятой территорию от Дамаска до средиземноморского побережья, где проживало восемь миллионов человек, – налицо. Сегодня джихадисты контролируют лишь небольшой городок в восточной части Сирии. Миссия разгрома ИГ*, по крайней мере, как она была официально заявлена Вашингтоном, выполнена.

Понятно, замечает Кокбэрн, что региональным суннитским державам не удалось укоротить Башара Асада, а тем более его свергнуть, а также подорвать влияние Тегерана в т.н. «шиитском полумесяце», где нанизываются в одном широтном поясе Иран, Ирак, Сирия и Ливан. Однако, будем реалистами, пишет британский эксперт, эти цели *«недостижимы и служат всего лишь предлогом для продолжения войны исключительной жестокости и разрушительной силы»* (“not attainable and are simply an excuse for continuing a war of extraordinary ferocity and destructiveness”).

Все понимают, что ретирада Америки из Сирии означает «вакуум», который обязательно будет кем-то заполнен. При этом курды, оказавшиеся в положении брошенной клиентелы, будут вынуждены искать союзнические отношения с более крупными игроками.

Кто против кого дружит

Разрубить гордиев узел, сплетённый на севере Сирии, непросто. Никем не признанная Рожава включает в себя обширные районы от Манбиджа до границы с Ираком. И поскольку Анкара воспринимает постепенное складывание у своего порога курдского национального очага как проблему «стратегической безопасности», если не сказать «экзистенциальную», то турецкий кривой ятаган давно занесён над недооформившимся квази-государством.

При этом в Анкаре делят курдов на «плохих» и «хороших». К плохим, по их классификации, относятся бойцы Отрядов народной самообороны (на курдском языке – Yekîneyên Parastina Gel, YPG). Эти отряды составляют ядро курдско-арабского оппозиционного альянса «Сирийские демократические силы» (Syrian Democratic Forces, SDF). Чисто формально, отряды YPG действуют как самостоятельная и самодостаточная структура. Но наличествуют все признаки того, что они являются «боевым крылом» (military wing) курдской партии Демократический союз (PYD), которую Турция числит в разряде террористических организаций. Что и есть источник «экзистенциального» страха для турецкого руководства.

Всё дело в том, что PYD и YPG, а также входящие в последнюю YPJ («Женские отряды самообороны»), способны в случае обретения Рожавой ключевых элементов государственности, представлять собой ударную силу для реализации в перспективе идеи объединения всех курдских диаспор и создания единого Курдистана.

Понятно, территория потенциального нового государства не образуется сама по себе. Её будут выкраивать насильственными методами из окрестных земель, находящихся под юрисдикцией Сирии, Ирака и Турции. Передел границ редко бывает мирным.

Чтобы избежать худшего варианта, Турция делает ставку на «хороших курдов», объявляя себя их защитницей против «плохих парней», имеющих якобы тесные связи с Рабочей партией Курдистана (РПК), с которой более 30 лет, хотя и с паузами, идёт вялотекущая война, введущаяся методами террора и антитеррора.

В своей статье, опубликованной 7 января газетой «Нью-Йорк таймс», президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган (см. [«Султанат Эрдогана как продукт пост-демократии»](#), №3(119), 2017) пытался донести до американской, да и мировой общественности мысль о том, что Турция воюет только против радикалов и экстремистов, и готова позаботиться о курдском этническом меньшинстве, проживающем в Сирии.

Эхом прозвучало и заявление официального представителя президента Турции Ибрагима Калына: *«Целью Анкары являются не курды, а террористы «Исламского государства»*, Рабочей партии Курдистана (РПК), YPG и PYD»*. Турция, по словам Калына, полна решимости защитить курдов от РПК.

Известно, что в курдских районах Сирии турки активно занимаются созданием дружественных политических и общественных структур.

Словом, практикуют заповеди автора концепции бесконфликтного общения, американца Дейла

Карнеги, заимствованные из его популярного евангелия - «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей».

Впереди - третий тайм. Но пока тайм-аут

Эрдоган давно был готов начать массированную операцию по «зачистке» курдских районов от всех «плохих парней». Им проведены две полномасштабные войсковые операции: «Щит Евфрата» и затем «Оливковая ветвь», на что Анкара, видимо, получила открыто не афишируемое согласие Москвы. Сейчас предполагалось начать третий этап, но Эрдоган взял тайм-аут после телефонного разговора с Дональдом Трампом 14 декабря.

Следом хозяин Белого дома, неожиданно для многих, в том числе и для своего министра обороны Джеймса Мэттиса (имеющего кличку «Бешеный пёс»), объявил о решении вывести свой «ограниченный воинский контингент» с территории Сирии. Напомним: там он находил ся без всякого приглашения со стороны законного правительства в Дамаске и без какой-либо санкции Совбеза ООН.

Трамп, подписав 19 декабря исполнительный указ о «ретираде», аргументировал свой поступок тем, что именно американская коалиция добилась полного и окончательного разгрома «Исламского государства»* в Сирии. Действительно, накануне боевые отряды «Сирийских демократических сил» выбили игиловцев из их последнего оплота в городе Хаджин в мухафазе Дейр эз-Зор.

В очередной раз вероломно бросить союзников - боевые отряды курдов и арабов - на произвол судьбы и алчущей их крови Турции означало бы для администрации США и лично Трампа понести репутационные потери. *«Соединённым Штатам есть дело до курдов, ведь они были главным оружием Трампа в сирийской войне. Если он их сдаст без боя, это будет плохим сигналом для всех остальных, кого США пытаются использовать в качестве так называемых союзников...»*, - отмечает эксперт Международного института гуманитарно-политических исследований Владимир Брутер. - *Курдам много чего обещали, но они так ничего и не получили».*

Неудивительно, что Трамп начал демонстративно грозить Эрдогану пальцем и кулаком, пугая тем, что если тот обидит сирийских курдов, то США введут экономические и прочие санкции, так что мало не покажется. Многие критики Трампа, как справа, так и слева, как из лагеря неоконцов, так и неолиберальных крестоносцев, негласно образующих единую «партию войны» в Вашингтоне, резонно усмотрели в этом пыхтении не более чем попытку сохранить лицо и изобразить на нём хорошую мину при весьма плохой игре.

К тому же, по президентскому обыкновению, деланные угрозы в адрес союзного государства по блоку НАТО прозвучали в излюбленном формате - через Твиттер. Глава турецкой дипломатии Мевлют Чавушоглу не скрывал своего негодования: с союзниками не общаются с помощью твиттов или через иные социальные сети!

Похоже, что разночтения в договорённостях между Вашингтоном и Анкарой возникли с самого начала, но ни одна сторона не хотела выносить сор из избы до поры до времени. Майкл

Помпео, глава госдепа, утверждал: Эрдоган чуть ли не клятвенно заверил Трампа, что и пальцем не тронет находившихся под опекой американцев бойцов из YPG и YPJ. Цитата: *«Эрдоган обещал президенту Трампу, что после нашего ухода турки продолжат кампанию по борьбе с «Исламским государством»* и что людям, с которыми мы сражались бок о бок в рамках этой кампании, будет обеспечена защита».*

Турки выдвигают иную версию: речь могла идти только о благонадёжных и добропорядочных курдах, а те, кого американцы числили до недавнего времени своими соратниками, – однозначно террористы, а потому на них охранная грамота не распространяется. Если только они не переметнутся и не интегрируются в среду той курдской общины, которая не вынашивает сепаратистских замыслов и поэтому не вызывает аллергию у Турции.

Целью Анкары *«является разоружение курдского движения в Сирии и направление его в невоенное русло, – поясняет лектор НИУ ВШЭ Григорий Лукьянов. – Когда американская сторона говорит о каких-то гарантиях, которые дала Анкара, речь идёт о том, что те из курдов, кто сложит оружие и пойдёт на контакт с протурецкими формированиями, не станут объектами турецкой атаки».*

Но поскольку сторонников до-оформления государственности Северного Курдистана-Рожавы немало, и они почти все проходят по категории «человек с ружьём», то убедить их разоружиться будет сложно. Следовательно, третий этап «зачистки» не отменён, а только отложен. Тому есть подтверждение. Так, 4 февраля пресс-секретарь президента Турции Ибрагим Калын без всяких обиняков и реверансов анонсировал стратегические замыслы Анкары: *«Наша цель – обеспечить контроль над зоной безопасности в Сирии шириной 30-35 километров. Турция – единственная сила, которая может обеспечить там контроль, она продемонстрировала свою способность к этому проведенными ранее операциями. Контроль под Манбиджем и восточной частью Евфрата должен быть у Турции».*

Наступил очередной момент истины. Анкара начинает отказываться от идеи «деэскалации» в Идлибе. 7 февраля Мевлют Чавушоглу заявил в Вашингтоне, что ряд стран финансирует радикальные группировки в Идлибе, пытаясь тем самым добиться срыва российско-турецких договоренностей по урегулированию в этом районе на северо-западе Сирии. Разведданные свидетельствуют: здесь окопались порядка 30 тысяч боевиков, включая иностранных наемников, из десятка разных исламистских военных формирований, включая запрещенную в РФ террористическую группировку «Джебхат ан-Нусра». Как их оттуда выкурить, если не силой?

Чавушоглу, как сообщает турецкое информагентство «Анадолу», обозначил реальную проблему: *«Определенная категория стран, имеющих свои далеко не позитивные планы по Сирии, платит радикальным группировкам в Идлибе, чтобы они нарушали договоренности. Эти же государства стремятся не допустить формирования комитета по подготовке сирийской конституции».*

В ожидании того, как заговорят пушки, главная интрига будет разворачиваться на дипломатическом фронте.

Ярлык на княжение выдаёт Москва?

Вашингтон согласен с Анкарой в одном: в безальтернативности идеи буферной зоны. Смысл в том, чтобы полоса шириной 30-32 километра разделяла расположение турецких вооружённых сил на границе и боевые подразделения сирийских курдов. Есть принципиально важное отличие в подходах: американцы настаивают, чтобы никакого вторжения турецких войск не было, равно как и никаких полётов турецкой боевой авиации, а их союзники (читай – (PYD и YPG) остались бы целы.

Турция видит будущее устройство приграничной зоны иначе. Её план предполагает «удаление» (куда именно?!), более 7000 бойцов «Отрядов народной самообороны» (YPG) из числа сирийских (!) курдов. Вакуум должны заполнить отряды «Пешмерга Рожавы» и арабские бойцы, подчиняющиеся Ахмаду Дхарба, главе «Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил». Едва ли Турция откажется от функции координатора и инспектора, ведь без регулярной проверки (мониторинга) исполнения этого плана не обойтись.

Нельзя забывать, что речь идёт о суверенной территории Сирийской арабской республики (САР). Свои интересы в этом районе, где также группируется т.н. «умеренная оппозиция», есть и у президента САР Башара Асада, который хотел бы восстановить там свою юрисдикцию.

Сирия не приемлет размещения иностранных вооружённых контингентов, будь то американских или турецких, в Манбидже.

Каким образом найти компромисс между амбициями Вашингтона, страхами Анкары и законными требованиями Дамаска? Свобода манёвра у Турции невелика. С учётом переплетения взаимоисключающих стратегических интересов и множественности задействованных сторон, Анкара неожиданно для себя оказалась верхней вольтижёркой на трапедии. Не то чтобы падать, но даже смотреть вниз бывает страшно...

Поисками сложно-композитного и во многом болезненного компромисса были подчинены переговоры в Кремле, состоявшиеся 23 января между президентами России и Турции (длились три часа). Подробности скупы. Но, судя по всему, удалось найти приемлемое решение. Москва одобрила согласованную в июне 2018 года Анкарой и Вашингтоном «дорожную карту» по стабилизации в Манбидже.

В декабре 2018 года курдские боевики уже покинули северо-западную и западную часть района Манбиджа. Пустоту заполнили, по просьбе местных жителей, сирийские правительственные войска и... курдские отряды самообороны. По словам Ибрагима Калына, пресс-секретаря президента Турции, *«мы договорились с россиянами насчет того, что эта дорожная карта должна быть реализована так, как мы обговаривали её с американцами».*

На следующий день после блиц-визита в Москву, явно не по чистой случайности, прозвучало как гром среди египетской выколи-глаз ночи заявление Эрдогана. *«В 1998 году в Адане был подписано соглашение между Сирией и Турцией по поводу сепаратистской террористической организации (Рабочая партия Курдистана, РПК), – напомнил турецкий лидер, добавив, что сегодня эта договорённость «снова вошла в повестку дня».* Справка: по соглашению от 1998 года, Сирия обязалась прекратить поддержку РПК и выдворить её лидера Абдуллу Оджалана за пределы страны. Так и произошло.

С выводом американского экспедиционного контингента из Сирии «для Москвы и Дамаска открываются большие возможности, – считает преподаватель НИУ ВШЭ Григорий Лукьянов, – появляется шанс интегрировать курдские организации в официальные структуры САР». Можно приплюсовать сюда и заявление Эрдогана о соглашении 1998 года, что свидетельствует хотя об одном: Анкара снова рассматривает Дамаск как партнёра в противостоянии курдским радикалам и сепаратистам, а значит де – факто снимает со своей повестки дня задачу свержения Башара Асада.

Любопытно, в какой тональности комментируют челночную дипломатию Эрдогана и взаимоотношения с Россией в турецких академических кругах. Политологи, цитируемые катарской медийной империи ей «Аль-Джазира», сходятся в том, что в двухсторонних контактах и связях возобладал прагматичный подход.

«Их солдаты стреляли друг в друга и сбивали самолёты, был убит посол (см. [«Турция: кто стоит за убийством посла Карлова?»](#))», и они находятся по разные стороны в гражданской войне (в Сирии. – В.М.), – размышляет Селим Кору, аналитик Турецкого фонда исследований экономической политики (Economic Policy Research Foundation of Turkey). – Всё это могло бы подорвать отношения на долгую перспективу, если бы это касалось Турции и любой другой страны» (“These are things that would have harmed long-term relations if they were to happen between Turkey and another country”). Но «несмотря на все реальные разногласия, в настоящее время они (Турция и Россия. – В.М.) очень близки».

Вопреки тому, что Анкара и Москва поддерживают разные стороны в сирийской междоусобице, признаёт Сенер Актурк, доцент Стамбульского университет Коча, специалист по международным отношениям, они нашли точку соприкосновения интересов. *«У России и Турции происходит сближение по сирийской проблеме на основе прагматизма» (“Russia and Turkey are experiencing a pragmatic rapprochement over Syria”).*

«Сближение» не означает смену внешнеполитической ориентации Турции, уточняет Митат Джеликпала, эксперт по геополитике, профессор стамбульского Университета Кадир Хас. «Турция – западный актер. Её внешняя политика и интересы безопасности предполагают, что она останется в западном лагере. Но нам нужно работать и выживать с Россией, поскольку она присутствует всюду вокруг нас» (“Turkey is a Western actor. Its foreign policy and security needs mean it will stay in the Western camp. But we need to work and survive with Russia because it is everywhere around us”).

В этом контексте важно упомянуть, что в ходе блиц-визита Эрдогана в Москву Владимир Путин воздал должное усилиям Турции по ликвидации террористов в Идлибе. Подтвердил готовность сотрудничать по деликатной теме возвращения беженцев в Сирию (турки утверждают, скорее всего, небеспочвенно, что в лагерях на их территории сконцентрировано от трёх до трёх с половиной миллионов сирийских беженцев). И не высказал никаких возражений по поводу буферной зоны на турецко-сирийской границе.

Ближневосточный корреспондент влиятельной испанской газеты «Паис» в ироничной манере преподнёс читателям символический смысл московского визита турецкого президента. В его интерпретации, *«Эрдоган потерпел фиаско перед Блистательной Портой Кремля» (“El fiasco de Erdogan en la Sublime Puerta del Kremlin”).* Напомним, происходит от итальянского слова

porta - «дверь», «врата». Примечателен и подзаголовок: *«Путин, новый хозяин в регионе, разрушает надежды на территориальные приобретения Турции в Сирии»* (“Putin, nuevo patron regional, da largas a las aspiraciones territoriales de Turquía en Siria”).

Подтверждение своей версии того, как на самом деле развиваются события, автор находит в том факте, что Москва благословила партнёрство в Манбидже правительственных войск и отрядов умеренных курдов, которые совместно смогут противостоять интервенции турецких войск. Более того, автор провидит в этом обстоятельстве «приглашение» создать курдскую автономию.

Вывод испанского обозревателя своеобразный: *«Диктат нового патрона Ближнего Востока заодно разрушает амбиции Эрдогана по возвращению на основе «свершившегося факта» тех земель, которыми на протяжении столетий владели османские султаны»* (“El diktat del nuevo patrón de Oriente Próximo es también un revés para la ambición de Erdogan de recobrar por la vía de los hechos consumados territorios que gobernaban sultanes otomanos hace cien años”).

...В любом случае, сегодня мало кто ставит под сомнение ключевую роль России в определении конфигурации поствоенного мира в Сирии. Нет, Москва не раздаёт «ярлыки на княжение». Но без учёта позиции России, вернувшейся в регион Ближнего Востока в качестве стратегического актора, который в отличие от других не предаёт своих союзников, найти оптимальные решения множественным и многоуровневым конфликтам не представляется возможным.

Владимир МИХЕЕВ